

ТЕАТР, КОТОРЫЙ УСЛЫШАН

В конце августа пришла в Омск на гастроли театры Мимимики и жеста. Несколько поразили, даже чуть-чуть шокировали характеристики его спектаклей в афише: «убийственная комедия для мужчин», «историко-гангстерская предстваление», «эксцентрическая комедия...». Знаючи театры прокомменти- ровали: мол, это или очень хороший театр, раз он не боится столь вызывающей рекла- мы (такие характеристики своим спектаклям любит, на- пример, дарить Государствен- ный театр кукол под руко- водством С. В. Обращаева), или это модный нынче ко- леджа, а такой едва ли бу- дет по сердцу омскому зри- телю. И второе: вызва- ли недоумение, стоящие в афише две музыкальные ко- медии. Вот тут и наши «зна- токи» растерялись: ведь они успели прозреть и уже объяс- нили непонятным, что на- звание «театр мимимики и жеста» — это для афиши, для па- рада, а на самом деле — это просто... театр глухих и для глухих. А как же тогда быть с музыкальными комедиями?

Но вот театр в Омске. Возьму на себя смелость ска- зать, что он потряс настоя- щих ценителей сцены. Как тут не вспомнить Ираклия Андроникова, который в но- велле «Горло Шалашина» рас- сказывал со злобным Остужен, который пере- шел из недр и не покинул сцены. Многого театра, что был дей- ственно чуждым, человекни- поди, самой высокой ме- рки! Кто же из нас не со- гла- сен с этим? Но вот перед на- ми не один артист, а целый театр. Так почему мы долж- ны идти воспоминаний, ме- муаров, исследований, в ко- торых, безусловно, будут ска- заны самые высокие слова признательности коллективу Московского театра мимимики и жеста, первому в мире (!) театру, создавшему необыч- ный сплав «естрой гра- фии» мимимики и жеста с тап- лом голосов и яркостью му- зыки.

— Наш театр был создан 17 лет назад, — говорит ре- жиссер постановки Р. Е. Янсон. — Задуман он был только для глухих, но очень скоро стал театром для всех. Но для этого были нужны на- чальники, творческие люди, потом прекрасные, а перво-

ды с «языка мимимики и жеста». Как в немом кино. В театре появился ди- ктор, который озвучивал всех наших героев. Так и сей- час делают на телевидении: слова героев зарубежного филь- ма переводят 1—2 арти- ста, которые просто читают текст. Но в кинематографе есть и дублирование, когда артисты — дублеры входят в образы героев и вместе с ни- ми проживают экранное вре- мя. Такой прием был приме- нен и в нашем театре. Сейчас у нас уже не один ди- ктор, а носимы звукодублиров. Это позволяет нам давать бо- гаты звуковыи характеристики героям спектаклей.

Вообще каждый театр от- чего-то отказывается, чтобы приобрести новое качество. Пантомима и балет отказа- лись от голоса. Опера заме- нила речь неимем. Цирк (а ведь это тоже театр) подма- нил характеры трюном, фо- кусом. Драма же, показывая внутренний мир героя, иног- да почти отказывается от же- ста.

Московский театр мимимики и жеста решил ни о чем не отказываться. На его сцене идут драматические, му- зикальные спектакли и пан- томики. Рядом с трагедией Шиллера «Коварство и лю- бовь» живет французский де- тектив Р. Тома «Всем лю- бящих жемчужина». С тайн- ственного «Очарованного ев- рова» пантомимы, в котором рассказаны несколько фило- софских притч о любви, зри- тели попадают на «Напри- чос» — фантастический «ос- торова», где оживает фантазма-

горические видения испан- ского художника Гойи. А сколько музыки, танцев, ко- ра в двух эксцентрических музыкальных комедиях «Де- Чарли?» и «Подвески короле- вы» («Три мушкетера»). Лю- бима детьми и идет уже 15 лет на сцене театра «Золуш- ка». И, наконец, представле- ние «Карьера Артуро Уи, ко- торой могло и не быть» (по Брехту). В этом спектакле переплелись насмешки над «теориями» гангстеров и психо- логическое исследова- ние причин возникновения фашизма.

Одним из ведущих антеров театра Геннадий Митрофанов в беседе со мной сказал, вернее, его мысли, выраже- ные языком мимимики и жеста, мне перевела Н. К. Квятков- ская:

— Спектакль не подучит- ся, если «по-королевски» бу- дет играть только актер в ро- ли короля. Его роль должна исполнять весь актерский ан- самбль. И поэтому я рад, что репертуар нашего театра столь разнообразен. Это пре- красные условия для раскры- тия талантов и профессио- нального роста наших арти- стов. Вот, например, Игорь Шнейдерман, артист ярко ко- медийного плана, начал рабо- тать в драме. И мы, его со- варищи, увидели, что он мо- жет открыть новые и неожиданные глубины в раскрытии жизненных ситуаций. Смы- сля или обострил их улыбой или даже «исчезновением» трюком. Никого, слонина, и та- ким же сложным должно быть актерское мастерство. И мое глубокое убеждение: на- стоящее актерское мастерст-

во не может возникнуть на лустом месте. И поэтому, раз- мыслив о нашем театре, не хотелось бы много внимания уделять его «технологии» — стилю, языку, даже ориги- нальности театра, хотя эта тема в некотором роде и вы- игрышна. Нет, надо в первую очередь говорить о темах, ко- торые мы выносим на сцену. Стоит ли идти в театр, что- бы восмочь, как глухой актер тащует и поет?

Здесь я должен сказать, что этот монолог Геннадия Митрофанова на языке жеста и мимимики был по- итальянски энергичен и страстен, а язык переводчицы Надежды Казимировны Квятковской — по- французски элегантен...

— В наш театр надо идти смотреть пьесу, — продолжал Г. Митрофанов, — вместе с актерами исследовать тему, которая всех нас сегодня вол- нует. А для этого нам нужна своя, особая драматургия. Я не люблю ссылаться на ори- гинальность театра мимимики и жеста. У нас есть только од- но право — быть непохожи- ми на другие коллективы. Но такое право есть у всех. Но драматургии пока не нашли с нами общего языка. Они объ- ясняют: как, мол, как писать сцену, где глухой разговари- вает по телефону? Да разве в этом проблема? Тема чело- веческой глухоты в социаль- ном смысле — вот непрехо- дящая, вечно острая тема: ка- залось бы, близки люди не слышат, не понимают друг друга; мода, легкомыслие, ирония случая иногда выхо- дят на первый план и нару- шают «слышимость», ощуще- ние истинного времени... Во-

обще большинство событий, повороты многих судеб мож- но объяснить именно тем, слышат люди друг друга или не слышат. И эти ситуации можно раскрывать и эксцен- тричными красками комедии, и языком высокой трагедии, и пластикой пантомимы.

Московский театр мимимики и жеста хочет, чтобы его слы- шали. Это ему удается. Вот в новелле «Исцеление» спек- такля пантомимы «Очарован- ный» Доктор (Г. Митрофа- нов) делает сложную опера- цию и Слепой (А. Малов), прозревает. Он идет своим Милую, но натывается на По- мошницу Доктора. Тогда Доктор совершает еще одно чудо: отражение Помощницы в зеркале он превращает в Милую, выводит ее из рамки, подталкивает к Слепому, но тот, увы, не слышит, что рядом его любовь, и уходит с Помощницей. Грустно-груст- но смотрит в зал Г. Митро- фанов — Доктор в финале новеллы.

Не слышат друг друга «во- семь любящих женщин» в од- номименном спектакле — де- тективе по пьесе Р. Тома. Не слышат и потому ненавидят друг друга, потому и убивают Мужчину. Убивают имен- но непониманием... С тяже- лым, полным огромной тоски взглядом сидит непонятный Временем глухой художник Гойя (В. Шубин) в спектак- ле «Напричос». Не понима-

ет, что творит медный жор- вец Уи (Г. Митрофанов) в «Карьере Артуро Уи, ко- торой могло и не быть». Уи слы- шит только себя, не замечая, что превратился в марionет- ку хитрого, злого и вечно улыбающегося Дикавола (А. Малов).

Главный режиссер театра мимимики и жеста А. Г. Щено- чинский поведал о планах ко- ллектива, сказал:

— Мы задавали себе целью: спектакль о сегодняшнем дне нашей жизни. Конечно, это можно объяснить тем, что не все можно передать на языках мимимики и жеста. И все-таки надо пробовать свои силы и здесь. В Омске мы ма- лали репетировать современ- ную трагедию — драматическую драматурга Ю. Грушаса «Лю- бовь, жажда и черт». Это бу- дет публицистический спек- такль о выборе молодежью жизненных путей, о ценно- стях реальных и мнимых. В спектакле будет много музы- ки и танцев. Наш художе- ственный совет постоянно ду- мает о более полном испол- нении возможностей театр- а. Наша специфика не убав- лива, а наоборот, к удивле- нию многих, добавила таких возможностей. Например, в комедии «Подвески короле- вы» актеры — дикторы выхо- дят на сцену вместе с героя- ми спектакля. И на нашей сцене это уже никого не удив- ляет. Значит, нам легче, чем другим театрам, постав- лять тоголовский «Кос», показать разделение личнос- ти. Мы думаем создать спек- такль, где герой в разных си- туациях говорит разными го- лосами и даже выглядит по- другому. А в этом совсем нет ничего фантастического! В планах театра спектакль по сказке В. Шубина «Де тре- тьих петухов» и опера для са- мых маленьких «Терем-теремок». Музыку оперы специ- ально для нас написал В. П. Соловьев-Седой. В будущем театр поставит оперу и для взрослых...

Этот необычный и необ- чинный театр, где играют омаиив художники и мужес- твенные люди. Главная черта его коллектива: он хочет быть услышанным самим зрителем. Омики навсегда завомят праздник, подерзанный масте- рами мимимики и жеста, музы- ки и слова.

В. АНТОНОВ.

НА СНИМКАХ: в сцене из спектакля «Де- Чарли?» артисты Т. Петухова, А. Малов, О. Рафалов, В. Шубин, И. Шнейдерман, Г. Митрофанов (вверху).

Фото С. Антонова.

